

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ ПРИМОРЬЯ

Елена Валентиновна АСТАШЕНКОВА, аспирант Института истории ДВО РАН. Сфера научных интересов — изобразительное искусство народов юга Дальнего Востока России средних веков (первая публикация).

В процессе археологических исследований чжурчжэньских памятников Приморья накоплен многочисленный и разнообразный материал, который позволяет рассмотреть такую важную сторону деятельности чжурчжэней, как изобразительное искусство. Данная работа посвящена анализу антропоморфных изображений, что в определенной степени позволит выявить характер этнокультурных взаимовлияний средневековых народов Дальнего Востока, взаимовлияние традиционных художественных приемов чжурчжэней, их обрядов и верований на развитие искусства современных тунгусо-маньчжурских народов.

Антропоморфные изображения чжурчжэней можно разделить на три условные группы:

- шаманские культовые изображения;
- изображения, связанные с буддийской и даосской мифологией;
- изображения реально живших людей.

К шаманским культовым изображениям прежде всего следует отнести скульптурки духов-предков, которые пользовались большой популярностью у чжурчжэней. В настоящее время в Приморье и Приамурье обнаружено свыше 20 таких фигурок (11, с.135; 14, с.76; 9, с.45; 5, с.122). Они отлиты из бронзы, высота их колеблется от 3,1 до 6,5 см. Скульптурки отличаются некоторой непропорциональностью тела: они имеют крупную массивную голову (составляет 1/3 всего тела), маленькие миниатюрные ножки. Если мысленно разогнуть руки у некоторых фигурок, то они будут достигать колен и даже опускаться ниже. Но впечатления нарушения пропорций тела не возникает, из чего можно сделать вывод, что чжурчжэням были хорошо известны свойства мелкой пластики скрадывать диспропорцию (11, с.136). При отливке мастера старались придать изображениям портретное сходство с умершим предком, а также обозначить его социальный статус. Все они обладают ярко выраженными монголоидными чертами лица, с особой тщательностью проработаны элементы одежды, характер причесок. Это дает богатый фактический материал для характеристики чжурчжэньской «моды», являющейся частью материальной культуры народа (5, с.122). Можно выделить три вида скульптурных изображений: фигурки воинов, чиновников и простолюдинов (3, с.250).

Одежда одного из воинов (рис. 21) состоит из рубахи, прямых штанов, куртки с железными панцирными пластинами (поверх которой надето что-то наподобие бармицы, защищающей шею и плечи воина), набедренника-юбки, кожаного фартука, шлема и высоких сапог. Вторая фигурка воина (рис. 20) вместо куртки имеет защищающую живот кольчугу, представленную ромби-

ческой сеткой. Штаны подвязаны на бедрах широким кушаком, который завязан спереди узлом, а концы его свисают до колен. На спине данной фигурки виден огромный бант, концы его свисают ниже подола рубахи. Фигурки чиновников (рис. 25, 35, 36) облачены в халаты, которые достигают щиколоток или бывают чуть длиннее колен. Одна из фигурок чиновников (рис. 25) облачена в простой халат с узкими рукавами с манжетами и шалевым воротником. Головной убор представляет собой шапку с двумя торчащими ушками, вероятно, это малахай. На другой фигурке надет халат, отороченный по краю подола и на манжетах опушкой. Халаты двух фигурок (рис. 35, 36) украшены красиво подвязанными в виде бантов кушаками (или лентами). В одном случае концы кушака на спине пропущены через какой-то серповидный предмет вроде хлястика или, как считает Л.Н. Гусева, крупной заколки (5, с.125). Помимо халата в комплект костюма чиновника входят также широкие стянутые на щиколотках штаны и поршневая обувь (5, с. 122).

Одежда простолюдинов состоит из рубахи (узкие рукава с манжетами, и широкий шалевый воротник без застежки). Поверх рубахи могла быть надета пелеринка с ажурными краями. Широкие шароварообразные штанины-ногoviцы поддерживались ремнями-помочами и иногда были стянуты на груди поперечными планками (рис. 22, 23). Завершает наряд поршневая обувь. Следует отметить, что в ряде случаев одежда простолюдинов представлена довольно схематично, в виде отдельных штрихов и бороздок, обозначающих края рубахи, помочи, манжеты, края штанин.

Кроме того, среди скульптурок духов-предков есть изображение обнаженного человечка (рис. 24). Судя по непропорционально большой голове, скрещенным у щиколоток ногам со складочками на внутренней стороне, — это младенец мужского пола.

Необходимо отметить, что фигурки чиновников и воинов, как правило, имеют прямую осанку, которая соответствует их высокому положению в обществе, в то время как среди изображений простых чжурчжэней встречаются фигурки с полусогнутыми ногами и сутулыми спинами (3, с.250).

Все скульптурки изображают мужчин и имеют на голове петельку для подвешивания (вероятно, их носили на груди или на поясе). Иконографические особенности изображений, наличие сосуда в руках большинства из них говорят в пользу того, что перед нами действительно онгоны духов предков (1, с.156; 9, с.119). Сосуды являются родовыми светильниками, которые показывают, к какому роду принадлежит данный дух-предок, кому он будет покровительствовать (9, с.119). Э.В. Шавкунов отмечает общие черты чжурчжэньских духов-предков с тюркскими «бабами» и делает вывод о заимствовании этого культа у древних тюрков (11, с.135).

Помимо статичных изображений на Ананьевском и на Шайгинском городищах обнаружены фигурки, показанные в движении, например, в легком поклоне или с полусогнутой и вынесенной вперед ногой как при ходьбе (рис. 31). Скульптурка из жилища 193 Шайгинского городища стоит на небольшом постаменте-печатке и как будто справляет малую нужду (11, с.136)

Необычна бронзовая фигурка, обнаруженная вблизи с. Новоникольского в Уссурийском районе Приморского края (11, с.136; 3, с.252). Она имеет крылья и показана в положении полета (рис. 32), ноги тесно сомкнуты и полусогнуты в коленях, голова запрокинута вверх и немного назад, живот напряжен, крылья расправлены. На спине имеется узор в виде ромбической сетки. На внешней стороне крыльев и на сохранившейся правой руке прочерчены вертикальные бороздки. Фигурка облачена в рубаху с узкими рукавами. Чуть выше пояса двумя поперечными бороздками обозначен широкий кушак. К его середине от плеч в виде буквы V спускаются помочи. Ниже кушака видны две перетяжки. К сожалению, левая рука отломана, в отведенной в сторону правой руке она, вероятно, что-то держала, так как между сжатыми в кулак пальцами имеется сквозное отверстие. Пока трудно с уверенностью сказать, что

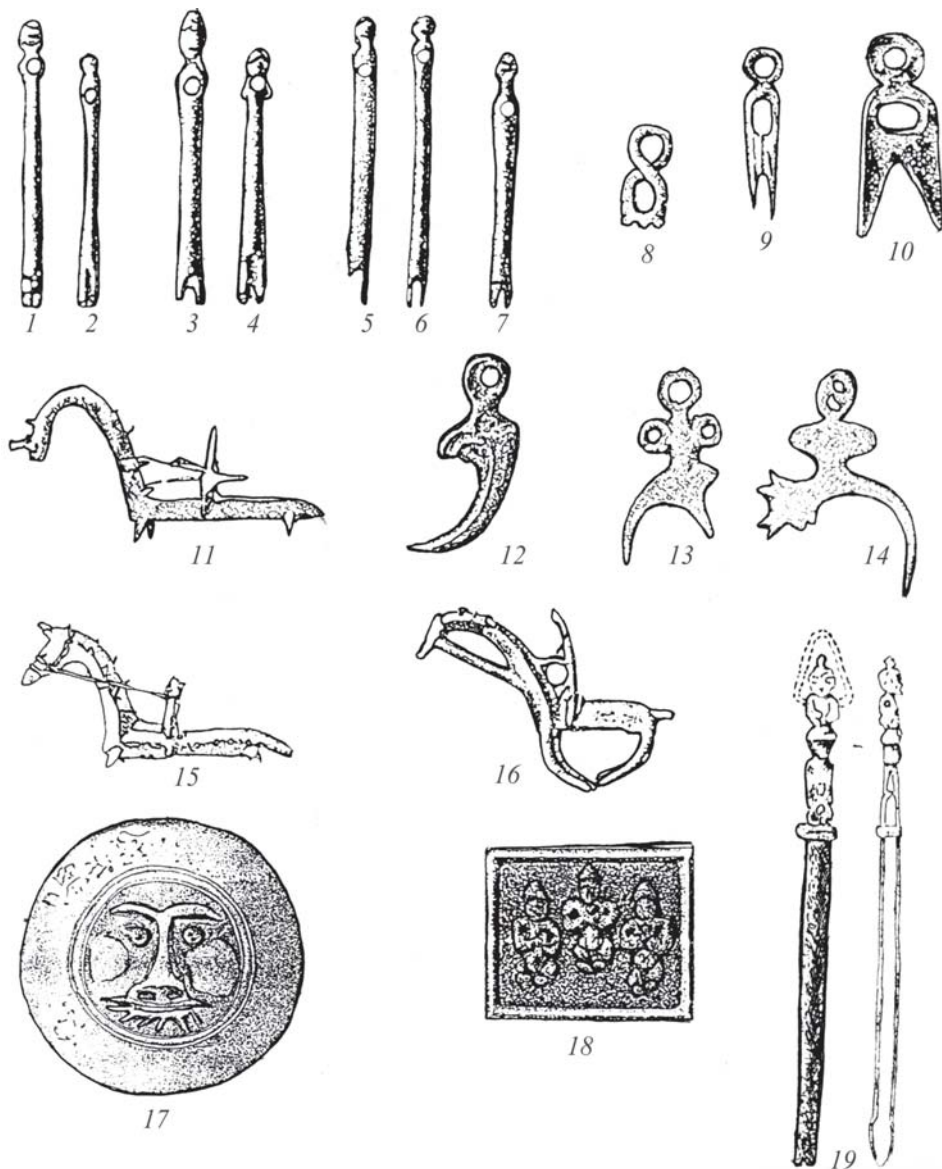

Рис. 1.

представляет собой данное изображение. Может быть, чжурчжэни, действительно, имели своих «каров», как заметил Э.В. Шавкунов (11, с.136).

В манере, аналогичной скульптурным изображениям духов-предков, выполнена человеческая фигурка, которая украшает верхнюю часть пинцета, найденного на Шайгинском городище (рис. 19). Круглую голову венчает прическа в виде собранных в пучок волос. Миниатюрный размер изделия не помешал мастеру обозначить основные детали лица, хотя под влиянием времени они несколько утратили свою четкость. Так, можно различить прикрытые глаза, дугообразные линии бровей, чуть выступающий маленький нос и представленный небольшой ямкой рот. Руки согнуты в локтях и прижаты к телу. Ноги фигурки плавно переходят в среднюю часть ручки пинцета. Из одежды — недлинный халат, перетянутый в талии поясом в виде бронзового колечка, и

широкие штаны-ноговицы. В области плеч фигуры имеется сквозное поперечное отверстие, в которое ранее была вставлена петелька, что позволяло носить пинцет подвешенным к поясу. По-видимому, данное изображение имело какую-то сакральную нагрузку.

К набору шаманских божниц принадлежат бронзовые фигурки духов-посредников между людьми и высшими божествами (рис. 1—7), обнаруженные на Шайгинском городище в количестве семи (11, с.136—137). Выполнены они крайне условно в виде уплощенных стерженьков высотой от 7 до 8,8 см и шириной около 2,5 см. У них яйцевидная или круглая голова, непропорционально короткие ножки, в грудной части имеется отверстие для шнура. Детали лица показаны в виде прочерченных горизонтальных и вертикальных линий, руки — в форме небольших полукруглых выступов. Особый интерес представляют две фигурки из жилища № 202 (рис. 3—4): одна (8,8 см) имеет заостренную к макушке голову, на которой обозначены глаза и рот; нет носа, рук, одна нога короче другой, но четко выражен фаллос. Вторая фигурка (7,1 см) меньше, чем первая. Она имеет овальную голову, на лице обозначены лишь раскосые глаза, небольшие выступы имитируют руки, ноги, выраженные продольной бороздкой. По всей видимости, эти две фигурки изображают пару — мужчину и женщину (11, с.137; 14, с.75). Такие фигурки (помощники шамана) встречаются у многих амурских народов. Так, известны они из могильников Корсаковского, Троицкого, Луданникова сопка и тоже имеют отверстия для подвешивания (7, с.151; 2, с.193). В.Е. Медведев считает, что подобные изображения могли выполнять сакрально-магические функции (7, с.151).

На Шайгинском городище и вблизи г. Находки были обнаружены четыре восьмерковидные бронзовые антропоморфные подвески высотой от 2,3 см до 5,6 см (11, с.164; 25, с.93). Три из них двухлапчатые (рис. 9—10). Они имеют круглую голову, укороченное туловище, длинные ноги. Четвертая подвеска отличается от них тем, что ноги ее показаны в виде коротких выступов, между которыми имеется еще один, равный им по длине отросток (рис. 8). Возможно, три первые подвески изображают женщин, а четвертая — мужчину. У всех четырех подвесок имеются два сквозных отверстия: на голове и груди.

Как заметил Э.В. Шавкунов, данные антропоморфные фигурки, а также скульптурки духов-предков, духов-посредников, являясь культовыми изображениями, представляли собой целый набор статуэток из шаманского пантеона (11, с.164).

Одно из важнейших мест в религиозной системе чжурчжэней занимал культ солнечного божества, о чем свидетельствуют многочисленные его изображения в виде всадников на конях (11, с.138—139). Три медные скульптурки (от 2 до 3 см) выполнены в условной манере в виде сужающихся сверху стерженьков (рис.11, 15, 16). Первый всадник имеет прямую спину, остроконечную голову. Одна рука вытянута вперед и держит узду, другой же, отведенной назад, наездник подстегивает плеткой коня. У второго всадника спина имеет естественный прогиб, руки раскинуты в стороны, голова отсутствует. В отличие от первых двух третий всадник сидит в седле, нагнувшись вперед, — такая поза характерна при быстрой езде. У всадника заостренная к макушке голова, руки раскинуты в стороны. Красная медь, из которой отлиты всадники, подчеркивает их близость к огню (11, с.161), а заостренные головы свидетельствуют о том, что перед нами божества (1, 160).

Имеются и графические изображения всадников на сосудах из Шайгинского городища (4, с.125, рис.5). В отличие от скульптурных фигурок эти всадники показаны в анфас и сидят на значительном возвышении, возможно, седле (на подобном возвышении-седле восседает одна из скульптурок бохайского наездника). Первый всадник представлен в виде острого штырька, очень длинные руки опущены вниз к седлу, голова к макушке сужается. Второй выполнен менее схематично. Высота его 4,5 см. Он также восседает на высоком седле, руки опущены, голова изображена в виде неровно очерченного овала со

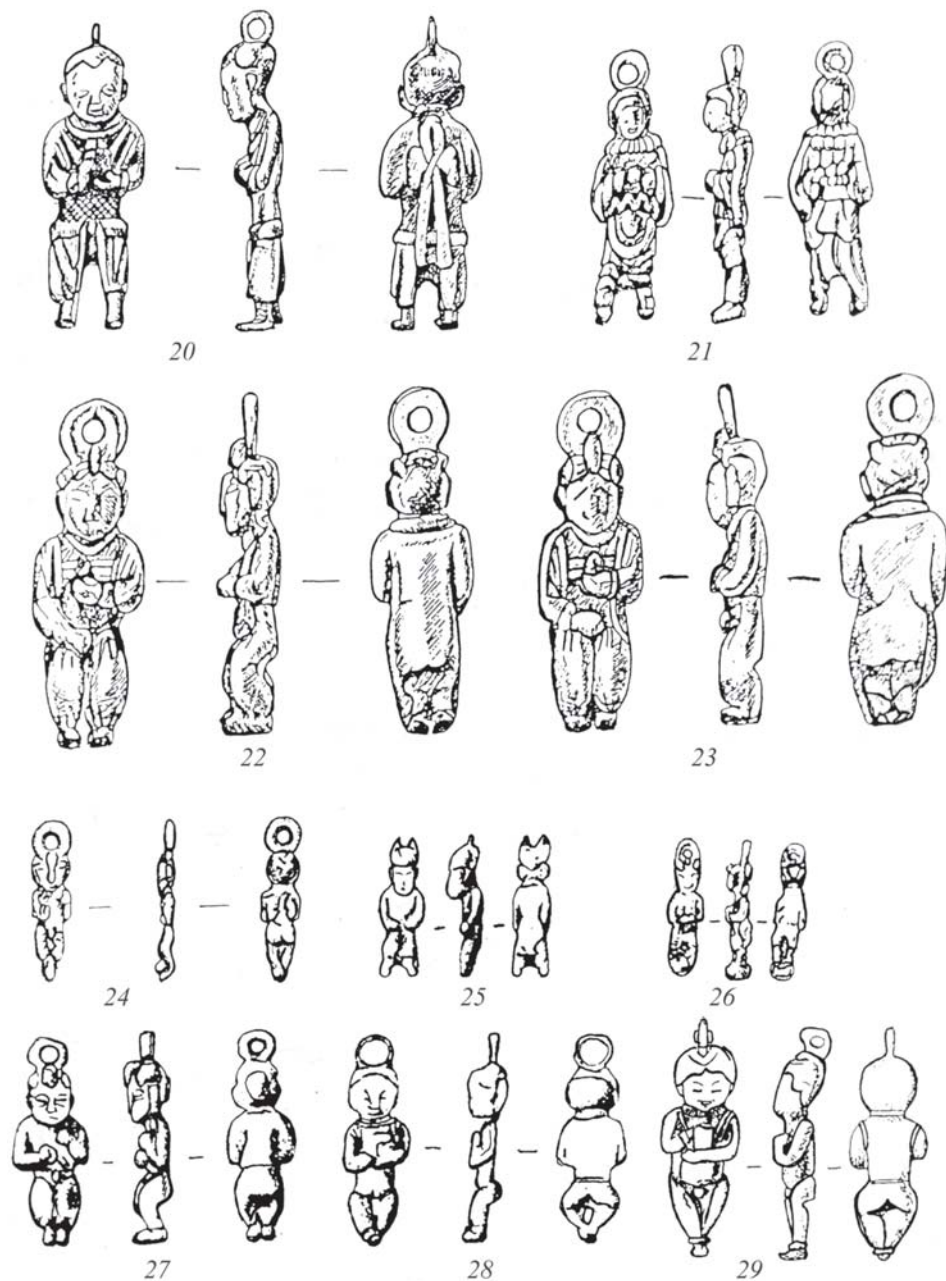

Рис. 2.

своеобразным головным убором, напоминающим по форме рога, обе ноги, показанные толстыми штрихами, спущены вниз по одну сторону коня так, как будто человек сидит в дамском седле.

В фас изображены отлитые из бронзы четыре фигурки громовников на змеедраконах (рис.12, 13, 14). Человеческие фигурки, три из которых найдены на Шайгинском городище и одна вблизи г. Находки, изображены по пояс в очень условной манере: голова в виде круглой петельки, а у двух изображений руки — в виде колечек или овальных выступов с отверстиями, что создает

впечатление упершего руки в бока человека (11, с. 163). Громовник, скорее всего, является трансформацией более древнего антропоморфного духа грома, восседавшего верхом на драконе и отпугивающего злых духов (14, с.75—76). Аналогичных изображений нет ни в бохайском изобразительном искусстве, ни в покровской культуре Приамурья.

Вторая группа включает в себя антропоморфные изображения, связанные с буддийской и даосской мифологией.

Что касается буддийской иконографии, то она нашла свое отражение в пластике. На Шайгинском городище была обнаружена бронзовая статуэтка бодхисатвы, высота которой составляет приблизительно 3,4 см (23, рис.92). Изображение реалистично и детально: лицо монголоидное с узкими глазами, широким приплюснутым носом, пухлыми губами. Обозначены скулы и складки от носа к верхней губе, уши с вытянутыми мочками. Бодхисатва сидит, левая рука согнута в локте, правая лежит на подвернутой под себя ноге, прорисованы пальцы и ниспадающие складки одежды. К подобной детализации древнего мастера скорее всего обязывал канон.

На Ананьевском городище обнаружены две бронзовые статуэтки Будд. Первая найдена на склоне сопки перед жилищем № 16 (8. рис. 29). Будда сидит в характерной позе, поджав ноги, в руках у него цветок лотоса — символ нравственности, чистоты и незапятнанности. Статуэтка выполнена с особой тщательностью: хорошо выделены монголоидные черты лица, ниспадающие складки одежды, высокий округлый в верхней части головной убор с орнаментированной тульей. Закрытые глаза Будды говорят о его погруженности в собственный мир, о самосозерцании. На спине фигуры выгравирована надпись, которая, вероятно, является свидетельством регистрации выпуска данной статуэтки административными органами Чжурчжэньской империи (18, с. 19). Хорошая сохранность изображения Будды также может указывать на его чжурчжэньское происхождение.

Вторая бронзовая статуэтка более грубой работы была найдена в жилище № 20 [19, рис.30]. Иконографически скульптурка похожа на бохайскую бронзовую позолоченную статуэтку из Краскинского городища. Плохая сохранность, наличие небольшого выступа-штырька говорят в пользу того, что изготовлена она была бохайскими мастерами. Вероятно, в более позднее время, данное изображение Будды попало к чжурчжэням, которые утилизировали его для своих нужд.

Скульптурное изображение керамического «Крылатого Будды» на трубе было найдено в ходе археологических работ на Николаевском городище в Партизанском районе (15, с.291). Фигурка имеет овальную, немного вытянутую вверх голову, явно монголоидные черты лица, уши с оттянутыми мочками, высокую прическу. Свободный покрой одежды угадывается по наличию вертикальных и крупных горизонтальных складок. Руки фигурки сцеплены на груди. Крылья расположены по бокам туловища, оперение крыльев показано прочерченными по сырой глине линиями, т.е. точно такой же техникой, как и крылья керамических фениксов с этого же городища (11, с.151). Вместе с упомянутой ранее статуэткой из с. Новоникольского, это второе скульптурное изображение крылатого существа.

На этом же городище была найдена голова керамического Будды (15, с.291). У нее круглое монголоидное лицо, слегка оттопыренные уши в виде полуovalов, над узкими глазами нависают тяжелые веки, отчего глаза кажутся полузакрытыми, дугообразные брови плавно переходят в линию носа, ниже которого расположен небольшой полураскрытый рот с полными губами. Рельефно обозначены щеки и подбородок. Волосы Будды в виде небольших примыкающих друг к другу валиков собраны в высокую прическу и перехвачены лентой.

На Ананьевском городище на склоне жилища № 16 были найдены фрагменты фарфоровой статуэтки бодхисатвы, (18, рис.30). Возможно, это улыба-

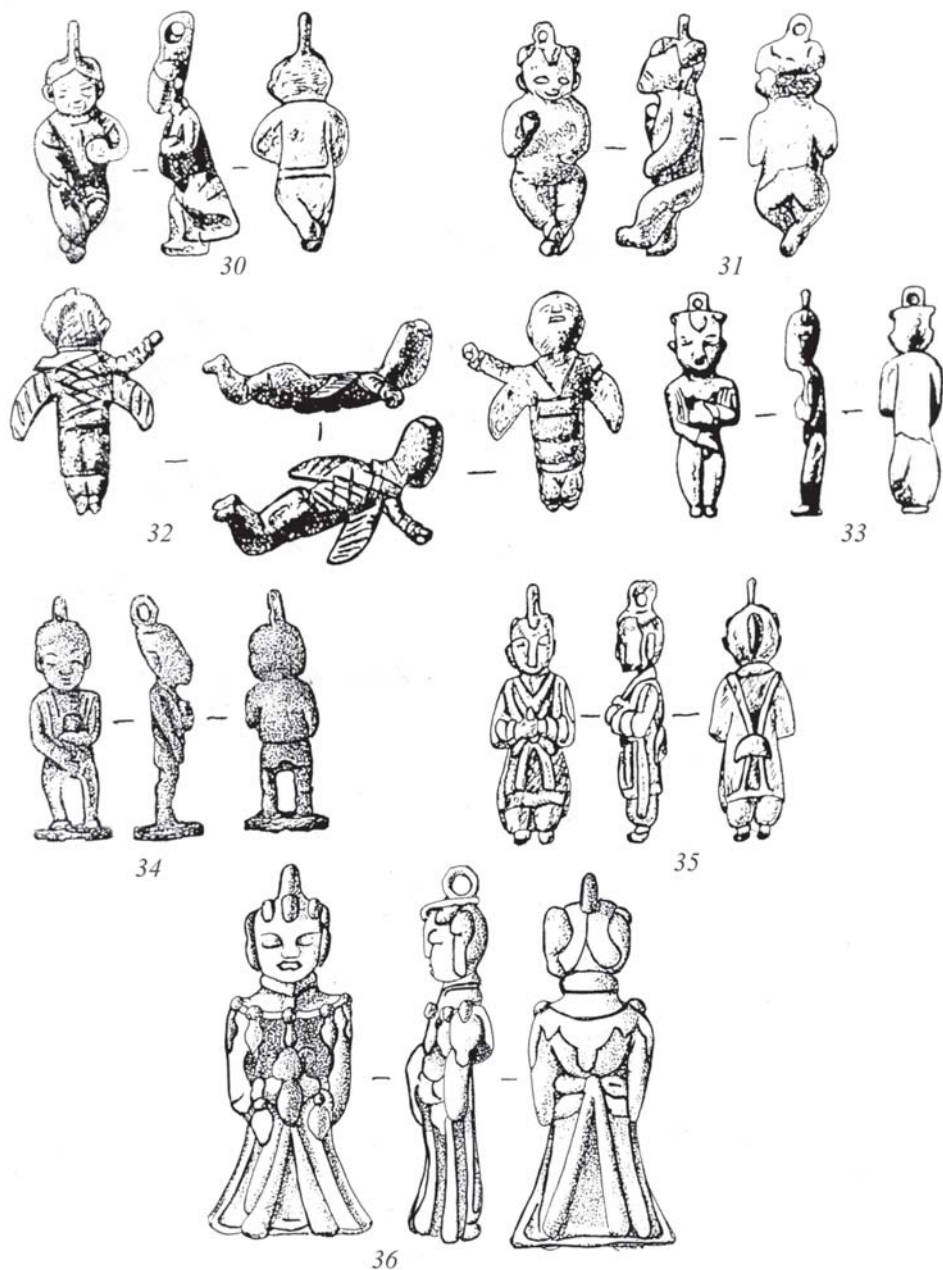

Рис. 3.

ющееся существо — изображение божества достатка и благополучия (18, с.53). На фарфоровом лице черной краской нарисованы глаза, нос, чуть приподнятые брови. На ногах обозначены пальцы. Аналогов данному изображению в искусстве чжурчжэней пока нет.

Изображения демонических личин Киртимукхи на концевых дисках кровельной черепицы известны из Шайгинского, Николаевского городищ и окрестностей г. Уссурийска (рис.17). Образ Киртимукхи пришел в искусство тунгусо-маньчжурских народов из индийской легенды о верном слуге бога Шивы.

Чжурчжэни позаимствовали этот образ у киданей, а они в свою очередь — у уйгуров и согдийцев (13, с.126).

Э.В. Шавкунов выделяет семь типов личин, отмечая, что, седьмой тип не поддается реконструкции, так как представлен разрозненными фрагментами диска, но к непосредственно чжурчжэньским исследователем относится лишь четыре (13, с.127, рис.11—14).

Три личины из Николаевского городища очень похожи: у них намечены небольшие выпуклые круглые глаза, над которыми располагаются брови, представленные длинными толстыми, но редкими волосками. Рот изображен в виде приплюснутого сверху и снизу овала и слегка приоткрыт, тонкая рельефная линия обозначает губы. В виде небольших овальных выпуклостей показаны щеки. Узкий вверху нос сильно расширяется в нижней своей части, создавая впечатление яростно раздуваемых ноздрей. На одной из личин изображены борода и бакенбарды в той же манере, что и брови. На двух других мастера ограничили лишь небольшими бакенбардами.

На керамическом диске из Шайгинского городища (рис.17) демон грозно сдвинул широкие брови, которые показаны в отличие от бровей на николаевских личинах, в виде широкого гладкого валика. Брови плавно переходят в линию носа, который резко расширяется книзу, где делится, образуя крупные ноздри. Овально-выпуклые небольшие плоские полусферы изображают щеки. Рот представлен длинной горизонтальной линией, обозначающей плотно сжатые губы, под которыми короткими штрихами прорисована борода (13, с.128).

Ю.В. Аргудяева отмечает, что на Николаевском городище был найден еще один тип концевых дисков с изображением демонических личин (1, с.108). Но на основе имеющегося на сегодняшний день материала, проанализированного Э.В. Шавкуновым, это мнение скорее всего ошибочное, а описанный ею тип личин, который присутствует и на концевых дисках, найденных в окрестностях г. Уссурийска, следует считать киданьским по происхождению (13, с.127).

На зеркале диаметром 6,1 см, обнаруженном в 9 км к югу от Шайгинского городища в с. Фроловке, тоже имеется изображение демона. Он держит в правой руке меч, а левой схватил за волосы беса и бьет его босой ногой. Живот существа оголен, на шее ожерелье, по-видимому, из черепов. Возможно, перед нами изображение Чжун-Куя, или Пхара — повелителя бесов. Согласно китайской легенде, он являлся неудачливым врачом, покончившим с собой. После того как император похоронил его с почестями, Чжун-Куй поклялся защищать всех императоров от проделок злых бесов.

О том, что наряду с шаманским культом у чжурчжэней был широко распространен даосизм, свидетельствуют изображения на бронзовых зеркалах, описание которых дал Э.В. Шавкунов (12, с.93—110; 10, с.231—237). Поскольку до настоящего времени не выяснено, какие из зеркал китайские, а какие чжурчжэньские, они в данной статье рассматриваться не будут.

К даосской мифологии относится сюжет, представленный на бронзовой позолоченной бляхе из Шайгинского городища (рис.18). На ней изображены три человеческие фигурки. В руках, согнутых в локтях в виде «крендельков» (в виде буквы «Ф»), сцепленных в замок и покоящихся на животе, фигурки держат небольшие сосуды в виде чашек. На головах фигур изображены треугольные шапочки. Непропорционально маленькие ножки полусогнуты и сомкнуты. Все три фигурки одинаковы, но центральная расположена чуть выше по отношению к двум другим.

К третьей условно выделенной нами группе относятся бытовые антропоморфные изображения.

На Ананьевском городище была найдена бронзовая окрашенная в красный цвет шахматная фишка с изображением офицера (16, с.75). Диаметр ее 2,6 см. Изображение выполнено основательно: пропорции тела соблюдены, передан монголоидный тип лица. Офицер одет в длинный с широкими складка-

ми халат, перехваченный на талии поясом в виде крученого жгута, на ногах — высокие сапожки с острыми носками. Левая рука офицера согнута и прижата к груди, в опущенной правой он сжимает длинный меч.

В одной из детских песочниц г. Владивостока была обнаружена еще одна шахматная фишка диаметром 2,7 см (16, с.76). На одной стороне фишки имеется изображение во весь рост пешего воина с копьем наперевес. Воин облачен в защитный доспех, составленный из металлических панцирных пластин, на голове у него характерный для чжурчжэней меховой малахай, а поверх него надет металлический шлем с султаном из перьев птиц на макушке и с прикрепленной к нижнему краю бармицей из металлических пластин.

К третьей группе, вероятно, можно отнести и найденную на Шайгинском городище у его центральных ворот железную защитную маску воина (22, с.180). Ширина ее составляет 15,5 см, длина около 22,5 см. Маска выполнена в форме правильного овала. Напротив глаз просверлены два маленьких круглых отверстия. Сдвинутые у переносицы брови представляют собой выпуклые двускатные валики. Нос выступает в виде двугранника, в треугольном основании которого имеются два круглых отверстия. Напротив рта имеется небольшая сквозная подпрямоугольная прорезь. Манера исполнения маски довольно условна, видимо, потому, что изготовлена была для сугубо практической цели — прикрывать лицо воина, охраняющего ворота города.

Кстати, встречаются изображения и самих чжурчжэней. Так, в Китае на одной из находок изображены шесть танцующих чжурчжэней, двое из них держат в руках музыкальные инструменты — флейту и, вероятно, бубен. Это уникальный рисунок, дающий представление об одежде чжурчжэней.

Помимо мелкой пластики антропоморфные изображения встречаются в монументальной скульптуре (8, с.272—273). Так, о двух каменных человеческих фигурах из окрестностей г. Уссурийска писал еще в XIX в. А.И. Лопатин. Это статуи чиновников. Одежда представлена длинным халатом с широкими рукавами и четко обозначенными ниспадающими складками. Руки сложены одна на другую поверх живота. К сожалению, головы у скульптур не сохранились, тем не менее горделивая осанка чиновников демонстрирует полное спокойствие и достоинство, свойственные высокому сану. Такие изваяния, как отмечает А.П. Окладников, были обычны в погребениях лиц высокого ранга, особенно императоров (8, с.273). В настоящее время статуи находятся в Приморском государственном объединенном музее им. В.К. Арсеньева.

Таким образом, чжурчжэни, несмотря на заимствование многих изобразительных мотивов, выработали собственную иконографию. Их антропоморфные изображения стали ценным источником для изучения антропологических типов средневекового Приморья, этнических особенностей народа, характеристики его верований и культовой практики. Обилие бронзовых зеркал чжурчжэньского происхождения с отлитыми на них сюжетами из даосской мифологии свидетельствует о том, как считает Э.В. Шавкунов, что чжурчжэни быстро восприняли даосизм в силу его тесной связи с шаманской практикой магии, гадания и врачевания. Кроме того, даосизм как и шаманизм, основывается на анимистических представлениях, в связи с чем он легко воспринимает культы, обряды и дух других верований, что облегчило его быстрое проникновение в среду чжурчжэней-шаманистов. Интересно, что антропоморфные изображения чаще всего использовались в ритуальных целях и лишь изредка являлись украшениями бытовых вещей.

В своем творчестве древние мастера использовали разнообразный материал: металл (бронзу, медь, железо), камень (в основном гранит), глину; применяли различную технику его обработки: лепку, графику, литье, ковку; использовали такие способы украшения изображений, как позолота, инкрустация. Это свидетельствует о довольно высоком уровне мастерства, которого достигли чжурчжэньские ваятели.

Надо сказать, что изображения, принадлежащие к шаманской культовой практике, выполнены в условной манере. Скорее всего, это объясняется тем, что для отправления обрядов не требовалось детализации, точной копии того или иного духа, божества. Достаточно было создать лишь образ, снабдив его, если это необходимо, нужными атрибутами. Схематизм в данном случае не является показателем низкого уровня развития изобразительного искусства чжурчжэней, достаточно вспомнить изображения онгонов духов-предков, каждому из которых приданы индивидуальные портретные черты. В отличие от буддийской иконографии, которая подчинялась строго установленным канонам, в шаманизме таковых не было.

Следует подчеркнуть, что шаманизм средневековых народов юга Дальнего Востока России, в частности чжурчжэней, содержит в себе элементы древнетюркского шаманизма. Это обстоятельство свидетельствует о том, что развитие шаманизма у этих народов происходило в тесном взаимодействии. Вместе с тем важно отметить, что шаманизм современных народов юга Дальнего Востока России унаследовал многие элементы и, очевидно, обряды, которые сформировались еще в эпоху средневековья. Этот факт наряду с другими служит еще одним доказательством генетического родства средневековых и современных тунгусо-маньчжурских народов.

1. Аргудяева Ю.В. Чжурчжэньская черепица (по материалам археологических разведок 1960 г.) // Материалы по истории Сибири. Археология и этнография Дальнего Востока. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1964. Вып.1. С.196—114.
2. Васильев Ю.М., Васильева Т.А. Раскопки могильника Луданникова сопка // Археологические открытия 1974 г. М., 1975. С.193.
3. Гусева Л.Н. Заметки об искусстве чжурчжэней // Приморье. Владивосток, 1984. С.245—258.
4. Гусева Л.Н. Конь в искусстве чжурчжэней Приморья // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР: Сб. науч. тр. Владивосток, 1989. С.120—126.
5. Гусева Л.Н. К характеристике одежды чжурчжэней на основе анализа духов-предков // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С.122—127.
6. Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири: Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.; Л., 1936.
7. Медведев В.Е. Приамурье в конце I — нач. II тысячелетия: Чжурчжэньская эпоха. Новосибирск, 1986.
8. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья: Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток, 1959.
9. Шавкунов Э.В. Антропоморфные подвесные фигурки из бронзы и культ предков у чжурчжэней // Сов. этнография. 1975. № 4. С.45—59.
10. Шавкунов Э.В. Клад чжурчжэньских зеркал // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1960. Т.1. Вып.86. С.231—237.
11. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.
12. Шавкунов Э.В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С.93—110.
13. Шавкунов Э.В. О сакральной сущности декора концевых дисков средневековой черепицы Приморья // Древнее искусство тихоокеанских культур. Владивосток, 1996. С.121—130.
14. Шавкунов Э.В. О шаманстве бохайцев и чжурчжэней Приморья по материалам археологических источников // Россия и АТР. 1999. № 2. С.70—80.
15. Шавкунов Э.В. Раскопки на Николаевском городище (1960—1962) // Сибирский археологический сборник: Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С.286—296.
16. Шавкунов Э.В., Аюшин Н.Б., Шавкунов В.Э. Из чжурчжэньских памятников... Шахматные фишки // Россия и АТР. 1998. № 1. С.75—79.
17. Substance and symbol in Chinese toggles. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1962. P. 256.
18. Хорев В.А. Отчет об археологических исследованиях на Ананьевском городище в Приморском крае в 1977 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 116. 63 л.

19. Хорев В.А. Отчет об археологических исследованиях на Ананьевском городище в Приморском крае в 1978 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 128. 72 л.
20. Шавкунов Э.В. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1979 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. 135 л.
21. Шавкунов Э.В. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1979 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 143. 170 л.
22. Шавкунов Э.В. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1982 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7. 202 л.
23. Шавкунов Э.В. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1983 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. 186 л.
24. Шавкунов Э. Археологические исследования на Шайгинском городище в Приморском крае в 1985 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 220. 159 л.
25. Шавкунов Э.В., Леньков В.Д., Галактионов О.С. Археологические исследования на территории Приморского и Хабаровского краев в 1969 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 6. 114 л.
26. Шавкунов Э.В., Хорев В.А. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском и Ананьевском городищах в Приморском крае в 1974 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 28. 115 л.

SUMMARY. A post-graduate student of the Institute of History Helen Astashenkova in her article «Anthropomorphic Pictures of Primorye's Jurchens» divided them in three conventional groups: shamans' pictures, cult pictures and pictures, connected with Buddhist and Dao mythology? And also pictures of alive people as well.

The author investigates each group in detail. In conclusion Helen Kolbasyuk underlines that modern shamanism of the peoples of the south of the Russian Far East inherited many elements and rites of Mediaeval shamanism. All this serves as one more evidence of genetic alliance of Mediaeval and modern Tungus-Manchus peoples.